

Ю.Л. Михайлова*

**МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТВИЕЙ В 1920 Г.:
ПРЕДПОСЫЛКИ, КЛЮЧЕВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ИТОГИ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории
Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а*

Заключение 11 августа 1920 г. мирного договора между Латвией и РСФСР имело большое значение как для международного признания Латвии, так и для нормализации международных отношений в регионе и формирования нового вектора внешней политики Советского государства. С опорой на широкий массив архивных источников (стенограммы пленарных заседаний делегаций РСФСР и Латвии, протоколы заседаний советско-латвийской комиссии по определению границы и т.д.), а также на достижения современной отечественной и зарубежной историографии в статье предпринята попытка системно рассмотреть комплекс вопросов, связанных с подготовкой и подписанием советско-латвийского мирного договора 1920 г. Ключевыми темами, которые составили повестку советско-латвийских мирных переговоров, стали установление границы, обмен военнопленными, возвращение имущества, вывезенного в Россию, реэвакуация беженцев и определение процедуры оптации гражданства. Как отмечает автор, вопрос определения и установления границ в ходе переговоров о мире был одним из самых спорных и болезненных. Этнографический принцип определения будущих границ нередко переплетался с экономическими и военно-стратегическими соображениями. Оценивая значение территориальных уступок Латвии со стороны Советской России, автор констатирует, что благодаря готовности принять во внимание территориальные притязания балтийских республик РСФСР добилась установления мира в регионе, фиксации новых границ, а также получила возможность наладить торговые связи, что было необходимо для выживания молодого Советского государства в условиях Гражданской войны. В то же время в вопросах о компенсации ущерба, причиненного в ходе военных действий,

* Михайлова Юлия Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (e-mail: michailova@list.ru).

и возвращении эвакуированного из Латвии имущества советская сторона демонстрировала большую жесткость, проявляя предсказуемый прагматизм. В целом, по мнению автора, договор с Латвией и другие договоры со странами Балтии предопределили расстановку сил в Восточно-Балтийском регионе на весь межвоенный период, заложили основы советской внешней политики в отношении балтийских республик, служили наглядным подтверждением реализации «права народов на самоопределение вплоть до отделения». Кроме того, указанные мирные договоры стали способом преодоления полной дипломатической изоляции Советской России.

Ключевые слова: Латвия, РСФСР, страны Балтии, Освободительная война в Латвии, мирные переговоры, советско-латвийский договор 1920 г., принцип самоопределения, оптация, П. Стучка, А. Иоффе.

Для цитирования: Михайлова Ю.Л. Мирные переговоры между Россией и Латвией в 1920 г.: предпосылки, ключевые противоречия, итоги // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 227–264. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-227-264.

Yulia L. Mikhailova

**PEACE NEGOTIATIONS BETWEEN
RUSSIA AND LATVIA IN 1920:
PREMISES, KEY ISSUES, AND OUTCOMES**

*Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospekt, Moscow, 119334*

The conclusion of the Peace Treaty between Latvia and the RSFSR on August 11, 1920 marked an important stage both in the process of international recognition of Latvia and in the normalization of international relations in the region in general, and charted a new course of the foreign policy of the Soviet state. On the basis of a wide range of archival sources (transcripts of the plenary meetings of the RSFSR and Latvia delegations, the meetings minutes of the Soviet-Latvian boundary commission, etc.), as well as recent Russian and foreign historical researches, the paper examines a set of issues related to the conclusion of the Treaty. The key issues that predetermined the agenda of the Soviet-Latvian peace negotiations included border demarcation, the exchange of war prisoners, the return of property evacuated to Russia, the return of refugees and the establishment of procedures for citizenship option. The author notes that the issue of border de-

limitation and demarcation was one of the most controversial and painful during the negotiations. The ethnographic principle for future borders was inextricably linked with economic and military-strategic considerations. The author examines territorial concessions made by the RSFSR to Latvia and concludes that they served as a demonstration of the Soviet Russia readiness to take into account the territorial claims of the Baltic republics, which allowed it to achieve peace in the region and fix new borders, as well as to establish trade relations indispensable for the survival of a young Soviet state during the Civil War. At the same time, the Soviet representatives took a hard line on compensations for the damage caused during hostilities and the return of property evacuated from Latvia. The author concludes that the Soviet-Latvian treaty and similar treaties with other Baltic states not only enabled the establishment of a new balance of power in the East Baltic region for the interwar period and laid the foundation for the Soviet foreign policy towards the Baltic republics, but also served as a vivid example of realization of 'the right of self-determination of peoples up to secession'. Finally, these treaties became one of the means to break the diplomatic isolation of Soviet Russia.

Keywords: Latvia, Soviet Russia, Baltic states, Latvian War of Independence, peace negotiations, 1920 Soviet-Latvian Peace Treaty, principle of self-determination, option, P. Stuchka, A. Ioffe.

About the author: Yulia L. Mikhailova — PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (e-mail: mikhailova@list.ru).

For citation: Mikhailova Yu.L. 2022. Peace negotiations between Russia and Latvia in 1920: Premises, key issues, and outcomes. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 227–264. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-227-264. (In Russ.)

11 августа 1920 г. после многомесячных переговоров был заключен мирный договор между РСФСР и Латвийской Республикой, следствием которого стали взаимное дипломатическое признание двух государств, установление границ, а также выработка ряда дополнительных соглашений. Этот исторический документ стал примером реализации на практике принципа свободного развития наций, провозглашенного большевиками.

Право на самоопределение народов¹, обозначенное в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., положенное также в основу

¹ Декларация прав народов России. 2 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 39–41.

Декларации об образовании СССР², обещало успешное решение национального вопроса при социализме. Тезис о «праве свободного выхода» из Союза, закрепленный в Договоре об образовании СССР, опирался в том числе на события 1919–1920 гг., когда большевики, заключая договоры с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией, на деле подтвердили готовность признать право на самоопределение вплоть до отделения.

В то же время нельзя забывать, что этому признанию предшествовали несколько лет хаоса и войны, которая в национальных историографиях стран Балтии традиционно называется «Освободительной войной» (*Eesti Vabadussõda* — Эстонская война за независимость, или Эстонская освободительная война; *Latvijas brīvības cīņas/Latvijas Neatkarības karš* — Борьба за независимость Латвии, или Освободительная война)³, а также необходимость доказывать западноевропейским державам серьезность стремлений балтийских народов обрести национальные государства. К потребности заключить мир и стабилизировать ситуацию подошли обе стороны: Россия — с идеей нейтрализации региона в условиях войны на несколько фронтов и возможного разворачивания наступления западных союзников против молодого государства, балтийские страны — с крепнувшей идеей поддержания собственной независимости и построения институтов жизнеспособных национальных государств.

Истории переговоров и заключения мирного договора между Россией и Латвией в историографии уделяется большое внимание. Советские исследователи трактовали мирные договоры с балтийскими странами как часть советской политики, направленной на укрепление мира и добрососедства [Ильмярв, 2012: 12], либо вовсе не

² 29 декабря 1922 г. был подписан Договор об образовании СССР: РСФСР, УССР, БССР и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика объединились в союзное государство. Важность его создания в Декларации об образовании СССР объяснялась «неустойчивостью международного положения и опасностью новых нападения». Одновременно констатировался и свершившийся раскол мира на «лагерь капитализма и лагерь социализма». Этот тезис помимо деления мира на два лагеря предусматривал и выстраивание отношений с теми, кто в соцлагерь не вошел. См.: Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик. М.: ЦИК СССР, 1924.

³ Эти вопросы были освещены уже в период первой независимости балтийских республик. См.: [Maide, 1933; Bērziņš, 1928; Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi 1918–1928, 1928]. См. также современные работы: [Граф, 2007; Eesti Vabadussõja ajalugu, 2020; Ciganovs, 2009; Strazdiņa, 2015].

упоминали их как утратившие силу после инкорпорации республик в состав СССР [Канале, Степерманис, 1974]. В западных исследованиях, посвященных истории внутренней и внешней политики стран Балтии в межвоенный период, подчеркивалось значение договоров 1920 г. как начала нациестроительства Эстонии, Латвии и Литвы [Rauch, 1974; Andersons, 1982, 1984].

В СССР интерес к истории заключения договора между РСФСР и Латвийской Республикой возрос в связи с крепнувшей идеей суверенитета Латвии в конце 1980-х — 1991 г., прежде всего в среде латышских историков. Договор 11 августа 1920 г. ставился в ряд исторических документов, заложивших основу латвийской независимости и гарантировавших республике признание великих держав, а также встраивался в систему правовых актов, которые регулировали отношения РСФСР/СССР и Латвии до 1940 г. [Šilde, 1992]⁴.

100-летний юбилей подписания договора в 2020 г. вызвал дополнительный всплеск интереса к этой теме. Профессор Латвийского университета А. Странга, анализируя политическое значение договора, ставит его в один ряд с последовавшим международным признанием Латвии и вступлением страны в Лигу Наций и подчеркивает, что он узаконил независимость республики [Stranga, 2020; Butkus, 2000; Puga, 2010]. Историк признает мирный договор между Россией и Латвией «одним из важнейших договоров, заключенных за двадцать лет независимости страны»⁵. В центре внимания исследователя — проблема заключения перемирия между Латвией и Россией, организация переговоров и их ход (с разделением на «московский» и «рижский» периоды), экономические вопросы и претензии, озвученные в ходе переговоров, проблемы компенсации военного ущерба и возвращения имущества, вывезенного с территории Латвии в годы Первой мировой войны.

В современной российской историографии советско-латвийский договор упоминают в исследованиях, посвященных общим вопро-

⁴ Странга А. «На вечные времена». О мирном договоре между Россией и Латвией // Даугава. 01.08.1990. № 8; Шилде А. Непреходящее значение мирного договора между Латвией и Советской Россией // Jelgavas Ziņotājs. 10.08.1990. № 125; Počs E. Līgums, kas atzina neatkarīgu Latviju // Cīņa. 22.03.1990. № 67.

⁵ Klajā nākusi grāmata par 1920. gada 11. augusta Latvijas un Padomju Krievijas miera līgumu // Latvijas Sabiedriskie Mediji. 10.08.2020. Available at: <https://www.lsm.lv/raksts/kultura/literatura/klaja-nakusi-gramata-par-1920-gada-11-augusta-latvijas-un-padomju-krievijas-miera-ligumu.a369996/> (accessed: 16.11.2022).

сам внешней политики Советской России на этапе ее становления. Оценивая этот документ (нередко вкупе с советско-эстонским и советско-литовским договорами), исследователи фиксируют внимание на международном значении мирных переговоров и отмечают, что сам факт их инициирования легитимизировал существование новых национальных государств, означал признание их партнерами [Кен, Рупасов, 2002: 226; Павлова, 2016; Симонян, 2020: 188–204; Мельтюхов, 2015]. «Выход» на переговоры и шаги Советской России навстречу Латвии имели значение прежде всего для молодой республики: в 1920 г. наряду с РСФСР независимость Латвии де-юре признали лишь Германия (после заключения договора 15 июля 1920 г.), а также Эстония и Литва.

Некоторые специальные исследования посвящены советским мирным предложениям балтийским республикам осенью 1919 г., когда еще рассматривался вариант заключения коллективного договора Советской России со странами Балтии и Финляндией [Алексеев, 2021], а также усилиям латвийской дипломатии, направленным на вступление в Лигу Наций с целью добиться международного признания де-юре после заключения договора с Россией [Зазерская, 2019].

Недостаточно изученными, особенно в российской историографии, остаются вопросы последующей реализации договоров. Исследователи нередко ограничиваются анализом их отдельных статей, но не механизмом их имплементации, несмотря на то что на практике они далеко не всегда совпадали. Например, статьи договора 11 августа 1920 г. с Латвией оцениваются некоторыми российскими историками как беспрецедентный либерализм РСФСР, которая пошла на «удовлетворение всех требований молодого, но проявляющего непомерные амбиции Латвийского государства» [Белковец, Шумская, 2013: 140]. Последнее относится в том числе к факту уплаты Советской Россией 4 млн рублей золотом, которая была осуществлена даже ранее оговоренного срока (декабрь 1920 г.)⁶, а также к обязательству о возврате имущества, данному советской стороной. Однако следует заметить: некоторые документы российских архивов, иллюстрирующие процесс последующей реэвакуа-

⁶ Телеграмма наркоминдел Г.В. Чичерину от 7 декабря 1920 г. о доставке в Латвию эшелона с золотом, выплаченным советской стороной в соответствии с условиями договора 11 августа 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 6. Д. 1. Л. 23.

ции имущества, который продолжался в течение нескольких лет после ратификации, демонстрируют, что советское руководство как в центре, так и на местах всячески стремилось уклониться от соблюдения статей мирного договора и не допустить возвращения материальных ценностей в Латвию⁷.

Большее внимание российские и зарубежные историки уделяют вопросам беженцев Первой мировой войны и их последующей реэвакуации. Изучение этой проблемы представлено рядом исследований, основанных на материалах в том числе региональных архивов [Колоткин, 1994, 2010; Бартеле, Шалда, 2000; Лоткин, 2005; Щербакова, 2012; Белова, 2017]. Исследуются отдельные аспекты реэвакуации имущества [Rubina, 2014].

В настоящей статье с опорой как на широкий массив архивных источников (стенограммы пленарных заседаний делегаций РСФСР и Латвии, протоколы заседаний советско-латвийской комиссии по определению границы), так и на достижения современной отечественной и зарубежной историографии предпринята попытка рассмотреть весь этот комплекс вопросов в их системной взаимосвязи.

От попытки установления советской власти к мирным переговорам

Возникшие после распада Российской империи и окончания Первой мировой войны государства Балтии взяли курс на обретение полной международной правосубъектности. В то же время большевики не сразу отказались от попыток закрепиться в этом регионе. Режимы, которые можно было бы контролировать из Москвы, на время были установлены во всех трех балтийских странах⁸.

⁷ Об этом свидетельствует, например, переписка НКВД с региональными отделами Совнархоза по вопросу о возвращении вывезенного с территории Латвии в годы Первой мировой войны имущества (заводское и фабричное оборудование). См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 8. Д. 31. Л. 131.

⁸ Речь идет о непродолжительном периоде советской власти в Таллине и Тарту (октябрь 1917 г.) и учреждении Эстляндской трудовой коммуны во главе с Я. Анвельтом в Эстонии, деятельности Исполнительного комитета Совета Латвии (Исколат), а также об установлении на части территории Латвии власти правительства П. Стучки, создании Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы (ВРРКПЛ) во главе с В. Мицкявичюсом-Капсукасом и формировании Литовско-Белорусской ССР (Литбел) [Debo, 1992; Henning, 1994; Brüggeman, 2002, 2006; Šiliņš, 2013; Шубин, 2020].

В Латвии советская власть в первый раз победила в 1917 г., когда по инициативе ЦК СДЛ (Социал-демократия Латвии) на заседании Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, которое проходило 29–30 июля 1917 г., был создан Исполнительный комитет Совета Латвии (Исколат). В ноябре 1917 г. на территориях, которые контролировал Исколат (восточные районы современной Латвии, Видземе), была провозглашена советская власть (на заседании 22 ноября комитет избрал своим председателем социал-демократа Ф. Розиньша). 24 декабря 1917 г. Исколат принял Декларацию о самоопределении Латвии, которая провозглашала, что «латышский пролетариат <...> никогда и нигде не высказывал желания и не проявлял тенденции к отделению от России...» [цит. по: История Латвии..., 2005: 113]. Просуществовал Исколат недолго: заключенный 3 марта 1918 г. Брестский мир привел к наступлению немецких войск, в апреле 1918 г. комитет был ликвидирован.

Следующая попытка была предпринята в ноябре 1918 г. с очередным наступлением Красной армии. Правительство К. Улманиса, объявившее 18 ноября 1918 г. о создании Латвийской Республики, не смогло устоять под натиском большевиков, которые в декабре провозгласили установление советской власти на территориях, освобожденных от германских войск [Henning, 1994: 334]. Лидером нового правительства Латвии стал П. Стучка. 17 декабря 1918 г. вышел Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Латвии об установлении советской власти⁹. РСФСР признала независимость Латвийской Социалистической Советской Республики, как и в случае с Эстляндской трудовой коммунной, — соответствующим декретом от 22 декабря 1918 г. Фактически же ЛССР была провозглашена после взятия Риги в начале января 1919 г. 4 января было принято «Обращение Советов Латвии к правительству и народу РСФСР», в котором содержалась просьба об оказании моральной и материальной помощи Латвии, 8 января советское правительство республики издало декрет «О вступлении в силу декретов РСФСР» [Гросул, 2007: 28].

В этот период стремление Москвы создать политический и военный союз советских республик прослеживалось вполне четко.

⁹ Манифест Советского правительства рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии о восстановлении Советской власти в Латвии. 17 декабря 1918 г. // Жизнь национальностей. 22.12.1918 г. № 7.

Последнее удалось: 1 июня 1919 г. был принят Декрет ВЦИК «Об объединении Советских Республик — России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии — для борьбы с мировым империализмом»¹⁰, после чего латвийские коммунисты, как подчеркивает историк Д. Хеннинг, стали ориентироваться и на экономический союз с РСФСР, объяснявшийся зависимостью от займов у большевистской России [Henning, 1994: 336]. Что касается идеологии, то П. Стучка неизменно подчеркивал: социал-демократия Латвии «теснейшим образом сроднилась с революционным народом России, и всегда, как и до, так и после революции стремилась быть составной частью свободной России». «Теперь, когда политические условия сделали Латвию самостоятельной, С.-Д. Латвии ни на шаг не отступает от старых своих принципов и понимает независимость Латвии лишь как независимость в смысле социалистического Советского строя»¹¹, — говорилось в Резолюции о Социалистической Советской Республике Латвия.

Непопулярная социальная политика, проводимая правительством П. Стучки (конфискация земли и имущества, обманутые ожидания о массовой раздаче безземельным наделов земли, отторгнутой у прибалтийской немецкой знати, ограничение свободного рынка сельскохозяйственной продукции и т.п.), сказалась на отношении населения к Советам уже весной 1919 г.: на выборах в Рижский рабочий совет латвийские коммунисты понесли потери в пользу беспартийных и эсеров [Henning, 1994: 337]. Изменение военной ситуации в ходе Войны за независимость Латвии, наступление немецких сил («Железной дивизии» и белых частей А. Ливена) стали началом конца ЛССР. 22 мая 1919 г. немецкие части заняли Ригу, советское правительство было вынуждено срочно эвакуироваться. В ходе дальнейших военных действий латвийская национальная армия вела борьбу и против немецких сил, и против Красной армии. К январю 1920 г. почти вся территория Латвии была занята латвийскими национальными войсками, правительство П. Стучки нашло временное убежище в Резекне (с июня 1919 г.). Борьба про-

¹⁰ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об объединении Советских Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». 1 июня 1919 г. // Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов: В 3 т. Т. 2. М., 1961. С. 789–790.

¹¹ Стучка П. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии: Сборник документов и важнейших декретов. Ч. II. Псков, 1921. С. 27–28.

тив большевиков шла с опорой на эстонские вооруженные силы. По соглашению полковника Й. Земитанса с главнокомандующим эстонскими вооруженными силами Й. Лайдонером эстонская армия вела боевые действия против большевиков в районе Валки и Руиены. Одновременно объединенные эстонские и латышские подразделения вели бои с немецкими войсками (19–23 июня, битва при Цесисе). После того как латышские части сдержали наступление Западной добровольческой армии П. Бермондта-Авалова на Ригу в октябре 1919 г. и к декабрю очистили почти всю территорию Латвии, военные действия продолжались в Латгалии, где латвийские войска в борьбе с большевиками поддерживала польская армия. В январе 1920 г. правительство П. Стучки приняло решение о прекращении своей деятельности. Несмотря на то что военные действия еще продолжались, между Латвией и Россией начались переговоры о перемирии. РСФСР в тот период боролась за собственное существование из-за тяжелого положения на фронтах Гражданской войны, поэтому стабилизация ситуации в бывшем Прибалтийском крае Российской империи представляла жизненную необходимость.

Предложения о мире большевистское руководство выдвинуло ранее: 31 августа 1919 г. правительству Эстонии, 11 сентября — правительствам Латвии и Финляндии, 15 сентября — Литве. Балтийские страны выразили желание заключить совместный мирный договор. По инициативе Эстонии в сентябре в Риге было проведено совещание глав правительств балтийских государств, на котором обсуждалась возможность заключения общего мира с РСФСР и создания союза балтийских государств (Эстонии, Финляндии, Латвии и Литвы). 14–15 сентября в Таллине прошла конференция глав правительств и министров иностранных дел трех балтийских стран и Финляндии [см. об этом: Алексеев, 2021: 223–224]. Она выявила существенную разницу между позициями государств, поэтому каких-либо конкретных решений принято не было. В частности, как отмечают исследователи, с территориальными претензиями к Советской России выступили латвийские представители [Алексеев, 2021; см. также: Граф, 2007: 260]. Латвия рассматривала при этом также возможность заключения договора с участием Польши и Белоруссии, однако этот замысел не мог быть реализован из-за различия интересов государств. Первой 2 февраля 1920 г. мирный договор с Россией заключила Эстония.

Предложение о мире с Латвией в Москве обсуждалось на заседании Политбюро 6 сентября 1919 г., затем 11 сентября 1919 г. В тот же день, 11 сентября 1919 г., латвийское правительство получило от наркома иностранных дел России Г.В. Чичерина официальную телеграмму с предложением начать мирные переговоры. Официальное сообщение об этом было опубликовано 13 сентября 1919 г.¹² В октябре 1919 г. из Риги в Россию выехала делегация для обсуждения обмена заложниками. Как отмечает Д.Ю. Алексеев, это был первый шаг к переговорам Латвии и Советской России о мире [Алексеев, 2021: 227].

Переговоры о перемирии были тайными и проходили под эгидой Красного Креста. В тексте договора о перемирии, заключенного 30 января 1920 г., подчеркивалось: «Желая положить конец военным действиям между Латвией и Россией, стороны вступили в переговоры, которые, по взаимному соглашению, носят совершенно секретный характер и ни в коем случае не должны быть оглашены одной стороной без согласия другой»¹³. Секретность пытались соблюдать прежде всего по той причине, что Польша, союзница Латвии на латгальском театре военных действий, в тот момент не готова была еще заключать мир с Россией. Впрочем, как подчеркивает К. Капениекс, «Польская сторона узнала о перемирии, но никогда не давала Латвии понять, что знает об этом» [Капениекс, 2011: 99]. На этапе подготовки договора о перемирии актуализировался вопрос о будущей территории Латвии. Наблюдатели от нее уже на советско-эстонских мирных переговорах в ноябре–декабре 1919 г. выдвинули России соответствующее требование: переговоры могут быть начаты только в том случае, если большевистские войска покинут Латгалию [Grīviņš, 2014]¹⁴. 24 декабря в Риге была получена телеграмма о том, что РСФСР приняла требования Латвии.

В марте 1920 г. латвийская сторона официально уведомила Россию о готовности начать переговоры. Для Латвии, как и для других стран

¹² См.: Сообщение Народного комиссариата иностранных дел РСФСР о предложении правительствам прибалтийских государств и Финляндии начать мирные переговоры // Известия. 13.09.1919. № 203.

¹³ Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Госполитиздат, 1958. Т. II. Док. 227. С. 333–337.

¹⁴ 17 ноября 1919 г. представители Эстонии, Латвии и Литвы встретили российскую делегацию, которую возглавлял М.М. Литвинов, в Тарту. М.М. Литвинов дал обязательство, что РСФСР признает независимость стран Балтии, и подчеркнул готовность вывести красные войска из Латгалии [см.: Rauch, 1974: 71].

Балтии, это означало фактическую международную легитимизацию [см. подробнее: Лауринавичюс, 2017, 2019; Stranga, 2020]. Несмотря на то что Великобритания уже в ноябре 1918 г. признала правительство Латвии де-факто, усилия латвийской дипломатии, прилагавшиеся для признания международно-правового статуса страны¹⁵, далеко не сразу принесли плоды. В ходе работы Парижской мирной конференции, на которой обсуждались итоги Первой мировой войны, ведущие державы настороженно воспринимали стремление малых народов к независимости. У европейских политических лидеров возникал вопрос о своевременности признания независимости этих территориальных образований до тех пор, пока государственный строй России не будет определен окончательно. Ответ, который получила по итогам работы конференции (январь 1920) делегация Латвии, гласил: «Все державы союзников будут и впредь выполнять данные ими обязательства по признанию независимости де-факто; однако основное требование Латвии — полная независимость — не может быть выполнено, так как державы придерживаются того мнения, что окончательное решение по Латвии не может быть принято без согласия правительства России»¹⁶.

Для РСФСР начало мирных переговоров со странами Балтии стало шагом на пути к тем легитимным соглашениям, которые гарантировали сторонам взаимное признание, определение границ и решение трудных вопросов о беженцах и заложниках. Шаг навстречу лимитрофам укладывался в новую логику действий советского руководства, направленную на нормализацию отношений со странами Антанты и провозглашенное «мирное сожительство с буржуазными государствами»¹⁷. Великие державы в свою очередь тесно увязывали признание независимости стран Балтии с идеей формирования вокруг большевистской России «санитарного кордона» — ряда буферных государств, долженствовавших служить препятствием для распространения «большевистской заразы» в Европе [Почс, 1985; История дипломатии, 1965; Воротников, 2014: 42–43].

¹⁵ Latvijas delegācijas deklarācija, iesniegta Baltijas komisijai Parīzē, 1919. gada 10. jūnijā // Valdības Vēstnesis. 02.08.1919.

¹⁶ Становление государства и формирование международных отношений // Елгавский вестник. 22.11.1989. № 184. С. 2.

¹⁷ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 11. См. также: [Крутиков, 2020].

Трудности определения границы в ходе советско-латвийских переговоров. Территориальные уступки Советской России

Советско-латвийская мирная конференция открылась 16 апреля 1920 г. в Москве, а с 15 июля ее работа была перенесена в Ригу¹⁸. Вопрос определения и установления границ в ходе переговоров о мире был одним из самых спорных и болезненных. Необходимость для РСФСР заключить договоры с молодыми государствами, бывшими ранее частями Российской империи, установить новые границы неизбежно ставила проблему определения национальной (этнографической) территории будущих независимых стран. Причем сами попытки обозначения таких границ начались ранее, и к моменту заключения договоров балтийские народы и их представители уже выдвинули ряд территориальных претензий к Советской России. Этнографический принцип определения будущих границ нередко переплетался с экономическими и военно-стратегическими соображениями.

В этом отношении заседания мирной конференции показали, что для Латвии признание этнографического принципа означало прежде всего обязательное включение в национальную территорию Латгалии¹⁹. При этом к началу советско-латвийских мирных переговоров (апрель 1920 г.) вопрос о включении Латгалии в состав Латвии был, по сути, делом решенным: уже в секретном соглашении о перемирии, заключенном с Советской Россией 30 января 1920 г., было подтверждено, что Латгалия является частью Латвии²⁰.

В ходе мирных переговоров, на заседании 20 апреля 1920 г., глава советской делегации А.А. Иоффе признавал: «Латгалия этнографически понимается в пределах Люцинского, Двинского и Режицкого

¹⁸ В июне 1920 г. З.-А. Мейеровицс обратился к Г.В. Чичерину и сообщил, что члены латвийской мирной делегации «не имеют возможности дольше остаться в Москве вследствие неудовлетворительного состояния их здоровья», и предложил перенести переговоры в Ригу. В Москве в то время свирепствовала эпидемия тифа и сказывалась нехватка продовольствия. «Рижский этап» переговоров начался 15 июля 1920 г. См.: К приезду большевистской делегации в Ригу // Сегодня. 03.07.1920. № 139.

¹⁹ Идеи о том, что Латгалия должна входить в этническую территорию Латвии, высказывались уже в 1913–1914 гг. См.: [Vigrabs, 1938]; Становление государства и формирование международных отношений // Елгавский вестник. 14.11.1989. № 179. С. 2.

²⁰ См.: Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1958. Док. 227. С. 333–337.

уездов»²¹. Однако с самого начала вопрос усложнился из-за требований латвийской стороны включить в этнографические границы Латвии Себежский и Дриссенский уезды. Реакция А.А. Иоффе демонстрирует, что этот пункт возник в повестке дня непосредственно в ходе переговоров, на том же заседании 20 апреля, и был неожиданным для советской стороны: «...на то, что уезды Себежский и Дриссенский и уезды Псковской губернии принадлежат из каких-либо соображений Латвии, никогда до сих пор ни один источник и, в частности, никогда само Латвийское Правительство не указывало и на этом не настаивало»²².

Вопрос о передаче Латвии пограничных территорий (Вышгородской и Толковской волостей с городом Пыталово и части Дриссенского уезда), где латыши и латгалцы составляли абсолютное меньшинство по отношению к русскому и белорусскому населению, был весьма спорным. Советская сторона не считала эти территории этнографически латышскими. А.А. Иоффе ссылаясь на различные опубликованные данные²³, чтобы обосновать эту позицию: «Исходя якобы из этнографических соображений, эта граница, которая нам предложена, фактически отторгает, или, если выражаться по-иностранному, аннексирует в пользу Латвии территорию, населенную не латышами, а в значительном большинстве русскими. Так, в Островском уезде — 1393 квадратных версты, в Опочечком у[езде] — 513 кв. верст, в Себежском — 866 кв. верст, а в Дриссенском — 1546 кв. верст, всего 4316 кв. верст. С населением приблизительно в 207 тыс. человек, из которых только 1624 латыша. По этим данным выходит, что в Островском уезде 96,6%, в Опочечком уезде 99,2%, в Себежском у[езде] 84,2% и в Дриссенском уезде 88,2% русских»²⁴.

В ходе апрельских заседаний российско-латвийской мирной конференции в Москве советская сторона продолжала настаивать на

²¹ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 4-е от 20 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 28–37.

²² Там же. Л. 28–29.

²³ Например, в ходе мирной конференции упоминался прибалтийский немецкий этнограф А. Биленштейн (Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1892).

²⁴ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 4-е от 20 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 29–31.

этнографическом принципе при проведении границы между РСФСР и Латвией²⁵. Но уже на заседании 20 апреля 1920 г. А.А. Иоффе высказал мысль о том, что этнографический принцип и принцип самоопределения могут дополняться «соображениями стратегического свойства». Однако даже тогда вопрос о передаче Пыталова Латвии оставался спорным: в докладе военного представителя российской делегации по переговорам с Латвией К.Ю. Берендса от 20 апреля 1920 г. доказывалась невозможность передачи Пыталовского железнодорожного узла: это, как подчеркивалось, отрезало бы от России участок Западной Двины и в то же время «создало для латвийских войск выгодный исходный плацдарм для развития наступления вдоль правого берега Двины на Полоцк, <...> облегчая операции войск, действующих против войск Советской России»²⁶.

В ходе переговоров постепенно советская сторона склонялась к территориальным уступкам, допуская, что «в отдельных случаях экономические соображения требуют некоторых коррективов в отношении этнографических и старых административных границ»²⁷. Тот же К.Ю. Берендс в докладе от 27 апреля 1920 г. уже указывал на то, что уступка Пыталова и части Дриссенского уезда допустима, это необходимая мера, которая позволила бы «вырвать» Латвию из союза с Польшей²⁸. В последующем докладе К.Ю. Берендс развивал эту мысль и подчеркивал, что «у Латвии с Польшей существует особое соглашение» и Латвия, возможно, «готовится к удару в правый фланг российских войск, наступающих против поляков на Западном фронте»²⁹. Донесения К.Ю. Берендса, таким образом, также могли лечь в основание идеи уступки Пыталова Латвии.

Уже на заседании 27 апреля участники переговоров констатировали, что со стороны России была сделана уступка по вопросу о

²⁵ Там же.

²⁶ Доклад Военного представителя российской делегации по переговорам о мире с Латвией К. Берендса председателю Российской мирной делегации т. Иоффе. 20 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 102–102 об.

²⁷ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51.

²⁸ Доклад Военного представителя российской делегации по переговорам о мире с Латвией К. Берендса председателю Российской мирной делегации т. Иоффе. 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 94–95.

²⁹ Доклад военного представителя российской делегации по мирным переговорам К. Берендса начальнику оперативного управления полевого штаба РВСР. 27 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 65–66об.

Пыталовском железнодорожном узле, «неприсоединение которого к Латвии повлекло бы за собою тот факт, что железные дороги Латвии повисли бы в воздухе и железнодорожное сообщение между отдельными частями Латвии было бы невозможно до постройки новых дорог»³⁰. По данным переписи 1897 г. в этом районе проживали всего 2929 человек, считавших латышский язык родным, из общего числа 161 877 жителей уезда³¹. Однако стремление латвийской стороны получить эти территории (о чем прямо говорилось на переговорах) определялось не столько этнографическими, сколько экономическими причинами. Железнодорожная станция Пыталово была узловой на линии Петербурго-Варшавской железной дороги. Кроме того, на этих территориях были залежи строительного песка, гравия, легкоплавкой глины и природных минеральных красок, что для бедной полезными ископаемыми Латвии было очень важно³².

Согласие передать Пыталово Латвии обосновывалось как стремление Советской России пойти навстречу «потребностям самоопределяющихся малых народов» и обозначалось как *«изъятие из принципа самоопределения»* и добровольная уступка, закладывающая фундамент для добрососедских отношений: «Эти последние

³⁰ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–52.

³¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Т. 1–50. С.-Петербург: 1903–1905 // Демоскоп Weekly. Доступ: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1213 (дата обращения: 16.11.2022).

³² Правомерность включения этого района в границы государства в межвоенной Латвии обосновывали тем, что здесь в XII–XIII вв., согласно средневековым источникам, находился латгальский замковый округ Абрене. На этом основании Пыталово, переименованное сначала в Jaunlatgale (Новая Латгалия), позже получило название «Абрене». Однако тщательное исследование археологических и письменных источников позволяет заключить, что исторический округ Абрене располагался западнее присоединенных в 1920 г. территорий (в границах современной Латвии) [См.: Назарова, 2003]. 23 августа 1944 г. на основании представлений Президиума Верховного Совета ЛССР и Президиума Верховного Совета РСФСР восточная часть Абренского уезда, включая сам город, была присоединена к Псковской области. В начале 1990-х годов, когда вопрос о суверенитете Латвии был решен, территориальный спор актуализировался. В латвийском общественном мнении и в академической среде звучали высказывания о том, что присоединение Абрене к СССР было неправомерным. Е. Андерсонс в своей статье назвал эту меру «стратегической ампутацией» и подчеркивал, что присоединение произошло незаконно и противоречило Конституции СССР: плебисцит на вновь присоединяемых к Советскому Союзу территориях не проводился [Andersons, 1991].

соображения с этнографией ничего общего не имеют, но соображения Латвийской Делегации об экономической необходимости были приняты нами настолько во внимание, что мы согласились в этом направлении провести границу на восток так, чтобы Пыталовский узел отошел к Латвии»³³.

Однако Опочецкий и Себежский уезды, на которые также претендовала Латвия, советская сторона в ходе переговоров пыталась «отстоять». А.А. Иоффе заявлял: «Здесь точка зрения наша такова, что претензии на части Опочецкого и Себежского уездов с точки зрения этнографической никак не могут быть обоснованы; экономические условия, приведшие к тому, что мы согласились отдать Пыталовский узел, не имеют уже отношения к этому кусочку территории, ибо Пыталовский узел весь целиком остается за Латвией»³⁴. Расхождения по вопросу о Дриссенском уезде также стали спорным моментом в процессе установления границы. Стороны обвиняли друг друга в намеренном затягивании переговоров. А.А. Иоффе ставил решение экономических спорных вопросов в зависимость от определения границы, латвийская делегация в свою очередь предложила приостановить переговоры для получения точных инструкций. Газета «Сегодня» также сообщала о том, что латвийские представители обратились в Министерство иностранных дел с просьбой «послать в Москву для содействия успеху переговоров особую комиссию из депутатов Учредительного Собрания»³⁵.

Аргументация латвийской стороны в пользу того, что Опочецкий, Себежский и Дриссенский уезды должны остаться за Латвией, включала тезисы о том, что «в этой местности имеется сильный латышский элемент, который во всяком случае превышает имеющийся там <...> великорусский элемент и, кроме того, смешанное польское и белорусское население, за которое решать Советская Россия не вправе»³⁶. Территориальные споры потянули за собой и болезненный для латвийской стороны вопрос о том, что советская делегация во главе с А.А. Иоффе не готова была рассматривать Латвию как госу-

³³ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–52.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Большевики затягивают мирные переговоры с Латвией // Сегодня. 09.05.1920. № 103. С. 2.

³⁶ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–61.

дарство, провозгласившее независимость в ноябре 1918 г. А.А. Иоффе отказался упомянуть об этом факте и рассматривал территорию будущего государства как лишь «в настоящий момент выделявшуюся из состава России». Этой позицией была обусловлена и весьма невыгодная для Риги формулировка о том, что стороны изначально не равны: Латвия выделяется из состава «единого государства, в то время как другая сторона [Россия] является как раз правопреемником того государства, из состава которого выделяется нынешняя Латвийская Республика»³⁷.

Такое разногласие усложнило переговоры. Заявление российской стороны об изначально неравноправии сторон не осталось незамеченным в Латвии — это обстоятельство стало дополнительным поводом для возмущения и обвинений в адрес РСФСР в том, что «большевики стараются затянуть переговоры и пользуются для достижения этого возможными средствами». Так писали «Сегодня», «Jaunākas Ziņas» («Последние известия») и другие латвийские газеты. Пресса Латвии обеспечивала информационную поддержку латвийской делегации и широко освещала ее позицию на переговорах: всячески подчеркивала отсутствие каких-либо агрессивных планов и, главное, тот факт, что латвийские войска не перешли «этнографических границ»: «Латвийский воин дошел до границы и дальше не идет. Таким образом, мы ведем не наступательную, а только оборонительную войну»³⁸.

Следует пояснить, как командование национальными вооруженными силами Латвии определяло этнографические границы на тот момент. В ходе предварительных переговоров, заключения перемирия 30 января 1920 г. и вывода советских войск из Латгалии по договоренности сторон демаркационная линия была установлена по этнографической границе: «Российские войска отступают на демаркационную линию Качанова слобода — Костыри — Пижона — Жогова — Сиполы — Пудрино — оз. Высокое — оз. Питель — Антонка — Пиково — Лавдор — оз. Освейское — Освея — Липовки — Росица — Балбиново — Придруйск. Латвийские же войска занимают следующую демаркационную линию: Кудепы — Болдина — Слободка — Краули — Городище — Васькова — Лядинки — Голышева — р. Лъжа — Федоренки — оз. Нерза — р. Сарьянка — Залещины — Мелкерова — оз. Гусены —

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Мирные переговоры в Москве // Сегодня. 15.05.1920. № 107. С. 1.

оз. Изова — р. Индрица — Доргелева — Индрица»³⁹. Латвийское командование считало этнографической границей р. Зилупе (Синяя), поэтому латвийские части продолжили наступление даже после заключения перемирия, двигаясь на восток. В начале февраля бои велись в районе д. Пасиена (Посинье), 3 февраля части латвийской армии заняли восточный берег р. Зилупе. После того как латыши достигли намеченных рубежей, вперед они больше не выдвигались и укреплялись на занятых территориях. Операцию по вытеснению большевиков из Латгалии в целом закончили к 4 февраля [см. подробно: Капениекс, 2011: 97–115], хотя к началу мирных переговоров 16 апреля 1920 г. боевые действия между Красной армией и Латвийской национальной армией всё еще велись в районе Дриссенского уезда [Капениекс, 2011: 104–107]. Латвийский историк К. Капениекс подчеркивает: уже во время боев января–февраля 1920 г. Дриссенский уезд рассматривался как латгальский [Капениекс, 2011: 115], и таким образом представители латвийской мирной делегации обосновывали права на эту территорию, исходя в том числе из положения на фронте.

К вопросу о спорных территориях делегации вернулись на майских заседаниях. Принцип «изъятия из самоопределения» по решению сторон в отношении Дриссенского уезда должен был утвердиться плебисцитом — голосованием населения спорных областей: «Мы все время стояли и сейчас продолжаем стоять на точке зрения самоопределения, т.е. не имея возможности отказаться от этого принципа, мы настаиваем на том, что те территории, в которых латвийский элемент не составляет большинства, не могут быть отнесены к Латвии. Если какой-нибудь участок признается спорным благодаря своему смешанному населению, мы согласны разрешить спор путем плебисцита с неоднократно нами указанными, а ныне принятыми и Латвийской Делегацией гарантиями, конечно, не откладывая этого плебисцита на какие-нибудь неопределенные сроки, а немедленно после того, как мир на русско-латвийском фронте будет фактически установлен»⁴⁰, — заявлял А.А. Иоффе. Идея полного оставления латвийскими войсками территории двух волостей Дриссенского уезда эволюционировала в сторону установления оккупационной власти на этих землях, представленной как латышскими, так и советскими

³⁹ Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 334.

⁴⁰ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 8-е от 4 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 70–79.

органами, вплоть до проведения голосования. А.А. Иоффе предполагал решение этого вопроса следующим образом: «Вообще тут возможны 2 постановки вопроса: либо ставится вопрос о плебисците, тогда необходимо сейчас и сделать логические выводы, и, прежде всего, вывести оттуда оккупационные войска; либо ставится вопрос об оккупации этого участка, тогда надо развернуть и обсудить все военные соображения и понять, что и со стороны России есть желание обеспечить свои интересы»⁴¹.

Стороны дискутировали и на тему того, кому может и должно быть предоставлено право голоса на предстоявшем плебисците: советская делегация настаивала, что этим правом обладают представители трудового народа, а «эксплуататоры» — нет, латыши же требовали равного, прямого и тайного голосования, полагая, что большинство выскажется против вхождения в состав большевистской России. Представители РСФСР предлагали предоставить право голосования в спорных областях местным общественным учреждениям, надеясь на то, что в них много приверженцев коммунизма, которые поддержат большевиков⁴².

Вопрос о составе и социальной принадлежности лиц, которые приняли бы участие в голосовании, становился, таким образом, способом косвенно повлиять на итоги референдума. Об этом писал Г.В. Чичерин: «Мы говорили о голосовании трудящихся. Латвийская делегация говорит о голосовании со включением тех, которые эксплуатируют наемный труд других. В нашем проекте сказано: “В голосовании участвует все население, за исключением лиц, эксплуатирующих чужой труд в целях наживы”. <...> Вот единственный пункт расхождения между нами и латвийской делегацией»⁴³.

Определение категорий лиц, допущенных к участию в плебисците, однако, не было главным пунктом расхождений. Российская сторона откладывала этот вопрос из-за опасений, что спорная территория — «часть Дриссенского уезда», которая «врезывается между Латвией и теми белорусскими местностями, которые заняты польской армией», будет использована Польшей в войне против РСФСР для защиты этого фланга «армией Латвии» и размещения

⁴¹ Протокол заседания российско-латвийской комиссии по определению границы. 15 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 9. Л. 25–26.

⁴² См.: К мирным переговорам в Москве // Сегодня. 04.06.1920. № 122. С. 2.

⁴³ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 164–165.

войск⁴⁴. В этой связи на первом месте у советской стороны стояла задача вынудить Латвию соблюдать нейтралитет и вывести свои войска с этих спорных территорий. Вопрос разрешился в ходе мирной конференции и впоследствии был зафиксирован в тексте договора (ст. 4): «Обе договаривающиеся стороны обязуются: 1. Воспретить пребывание на своей территории каких-либо войск, за исключением правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой из договаривающихся сторон»⁴⁵.

Когда в июле 1920 г. переговоры были перенесены из Москвы в Ригу, было решено по взаимному согласию не проводить плебисцит в западной части Дриссенского уезда, и руководство РСФСР приняло решение передать Латвии спорные территории, на которые страна претендовала, в том числе и волости Дриссенского уезда с незначительным количеством латышского и латгальского населения⁴⁶. За день до подписания договора газета «Сегодня» сообщала: «В воскресенье советская делегация выехала в Эдинбург⁴⁷ к председателю латвийской делегации г. Весману, куда в 12 час. дня прибыли также члены латвийской делегации. Обе делегации провели весь день до 9 час. вечера за окончательной формулировкой параграфов мирного договора. Вчера снова обсуждались некоторые пункты договора, по которым до сих пор соглашение не было достигнуто. По взаимному соглашению проведение плебисцита в западной части Дриссенского уезда отменяется: Латвия и Россия разделяют упомянутую область таким образом, что меньшая западная часть присоединяется к Латвии, а большая восточная — к России: в виде компенсации к Латвии отходит Покровская волость в Островском уезде, на северной границе Латгалии, чем исправлена неудобная линия границы, существовавшая до сих пор»⁴⁸.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 103–104.

⁴⁶ По переписи 1897 г. в Дриссенском уезде вообще не указаны латыши, хотя, по данным А. Сементовского, какое-то количество их в уезде всё же могли проживать. См.: Сементовский А.М. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб.: Типография М. Хана, 1872. См. также: [Бувич, 2021].

⁴⁷ Теперь ж.д. станция Дзинтари на Рижском взморье (г. Юрмала).

⁴⁸ 11 августа ожидается подписание мирного договора // Сегодня. 10.08.1920. № 168. С. 1.

Решение об отказе от проведения плебисцита в Дриссенском уезде и передаче Придруйской и Пустынской волостей Латвии основывалось на достигнутых договоренностях сторон, а также на стремлении Советской России идти на уступки ради заключения мира. На этом фоне вопрос о границе на мирных переговорах с балтийскими государствами, в том числе с Латвией, был «второстепенным». Как подчеркивал В.И. Ленин, ряд территориальных уступок, на которые пошла Россия, заключая договоры со странами Балтии и с Латвией в том числе, «не вполне соответствовал строгому принципу самоопределения наций»: большевики на деле доказали, что «вопрос мирных отношений, вопрос умения выждать развития условий жизни внутри каждого народа не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать»⁴⁹.

А.А. Иоффе на мирной конференции с Латвией подчеркивал: несмотря на то что принципу самоопределения наций придавалось огромное значение, однако «везде, где этнографический момент являлся спорным, мы соглашались отводить границу далее на восток»⁵⁰. Таким образом в ряде случаев был осуществлен «принцип изъятия из самоопределения», который означал готовность России идти на территориальные уступки. Этот принцип был зафиксирован в том числе договором 11 августа 1920 г. Обозначение границы на местности проводила особая смешанная комиссия, которая завершила работу 7 апреля 1923 г.

Оценивая значение территориальных уступок Латвии со стороны Советской России в контексте серии мирных договоров с лимитрофами, можно констатировать: благодаря готовности принять во внимание территориальные притязания балтийских республик РСФСР добилась установления мира в регионе, фиксации новых границ, были открыты возможности для налаживания торговых связей, в том числе большое значение для России имела возможность использовать порты Латвии для транзита товаров. Подобная плата за передышку в условиях войны, голода и разрухи была вполне оправданной: приостановка в деле экспорта революции давала Советскому государству возможность выжить.

⁴⁹ Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 92.

⁵⁰ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–61.

Вопросы компенсации за военный ущерб и реэвакуации беженцев

Наряду с проблемой делимитации границ вопрос о компенсациях за ущерб, причиненный в ходе военных действий, и возвращения имущества, эвакуированного из Латвии в Первую мировую войну накануне немецкой оккупации, был одним из самых сложных в ходе переговоров. И в этом вопросе советская сторона демонстрировала большую жесткость по сравнению с обсуждением будущих границ.

Латвийская делегация подходила к этой проблеме с учетом того, что на ее территории в 1919–1920 гг. велись военные действия, и выдвигала требования о компенсации за причиненный ущерб. Как подчеркивает профессор А. Странга, латвийская сторона тщательно готовилась к обсуждению экономических вопросов в ходе заседаний мирной конференции. Шесть правительственных комиссий подсчитали ущерб, который Латвия понесла в начале Первой мировой войны и во время занятия большевиками (костяком этих военных сил выступали части латышских стрелков) Риги в январе 1919 г. [Butkus, 2001: 152].

Добиться компенсаций от советской стороны было одной из задач, которые пыталась осуществить латвийская делегация на мирных переговорах. Общественное мнение Латвии уделяло этому вопросу повышенное внимание. В газетах писали о необходимости «финансовой компенсации» за понесенные Латвией убытки и потери во время военных действий, «реэвакуации машин и промышленных предприятий, архивов, учебных пособий, скота, сельскохозяйственных орудий, имущества кредитных учреждений и банков». В латвийской прессе высказывалась мысль о необходимости требовать компенсацию в 27,5 млн рублей золотом, поскольку на Латвию как бывшую окраину Российской империи должна приходиться часть ее золотого запаса⁵¹.

В ходе советско-латвийских мирных переговоров латыши поднимали вопрос ответственности прежде всего РСФСР, имея надежды на компенсацию и строя планы развития своего народного хозяйства. Однако следует помнить, что латвийские потери во время Первой мировой войны были весьма велики: уже в первые ее месяцы Прибалтийские губернии стали ареной военных действий, к концу лета

⁵¹ См.: Задачи латвийской мирной делегации // Сегодня. 01.04.1920. № 75. С. 2; Требования Латвии // Сегодня. 08.04.1920. № 79. С. 2. Фактическую выплату в 4 млн рублей золотом советская сторона осуществила ранее оговоренного срока.

1915 г. немцы заняли почти всю Курляндию (в августе было создано Курляндское немецкое управление), в результате промышленные предприятия эвакуировались в Ригу, появилось огромное количество беженцев, сельское хозяйство было разрушено.

Глава советской делегации А.А. Иоффе вопрос ответственности Москвы всячески обходил, указывая на то, что «взаимный отказ от требования возмещения государственных расходов по ведению войны есть логическое следствие провозглашенного Советским Правительством принципа мира без аннексий и контрибуций», а требование возмещения ущерба может считаться «одной из скрытых форм контрибуции»⁵². С самого начала переговоров А.А. Иоффе взял курс на отрицание факта, что Советская Россия вела военные действия против Латвии: «...Советская Россия никогда не вмешивалась во внутренние дела других государств и никому не навязывала своих политических форм, а пребывание чужих войск на ее территории никогда не допускалось ею»⁵³.

Острые дискуссии по экономическим вопросам, равно как и по проблеме военных компенсаций, не дали латвийской делегации того результата, на который она рассчитывала. Последствия деятельности Латышской стрелковой дивизии, оказывавшей поддержку правительству П. Стучки в конце 1918 г., практически не обсуждались. Хотя на начальном, «московском» этапе переговоров значительные усилия латвийской делегации были направлены именно на то, чтобы вынудить Россию признать вторжение в Латвию в 1918 г., этого добиться не удалось [Grīviņš, 2014]. Москва не пошла на компромисс по этому вопросу, и это дает повод современным историкам говорить о том, что мирный договор 1920 г. как бы «не имеет начала»⁵⁴.

Проблема возвращения имущества, эвакуированного с территории Латвии во время Первой мировой войны, также стояла достаточно остро. Всего в Российскую империю было эвакуировано 417 предприятий; на их базе возникли новые заводы или были расширены существовавшие ранее производства. Так, в Москве на базе производства акционерного общества «Каучук» (изначально

⁵² Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 2-е от 17 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 9–12.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Ciganovs J. 'Mēs esam ieguvuši neatkarīgu valsti'. Pirms 100 gadiem parakstīs miera līgums starp Latvijas Republiku un Padomju Krieviju // Latvijas Avīze. 11.08.2020. Available at: <https://www.la.lv/mes-esam-ieguvusi-neatkarigu-valsti> (accessed: 16.11.2022).

«Резиновая фабрика братьев Фрейзингер»), эвакуированного из пригорода Риги, возник одноименный завод, а рижский «Руссо-Балт» при эвакуации был разделен между заводами в Петрограде, Твери и Москве⁵⁵. Вопрос о необходимости вернуть оборудование в Ригу ставился еще в начале 1919 г. правительством ЛССР. Москва тогда поясняла: вернуть вывезенное не представляется возможным по причине того, что значительная часть оборудования не доедет в сохранности из-за износа. Кроме того, апеллировали к чувству пролетарской солидарности: в случае ликвидации заводов в России тысячи трудящихся остались бы без работы⁵⁶. Во время переговоров 1920 г. вопрос о возвращении оборудования предприятий был еще более актуальным.

Уже на апрельских заседаниях мирной конференции А.А. Иоффе постулировал принцип, в соответствии с которым требовалось доказывать, на каком основании то или иное имущество (частное или принадлежавшее предприятиям или учреждениям) могло быть вывезено в Латвию: «Возвращение вывезенного имущества и ценностей государственных и общественных учреждений, обществ и частных лиц может иметь место только в случае доказанности принадлежности этого имущества нынешней Республике Латвии, ибо одно только местонахождение этого имущества не определяет права на него»⁵⁷.

В споре о том, на каком основании должны быть возвращены Латвии эвакуированные заводы и учреждения, советская сторона, по сути, использовала тот же подход, что и в определении границы: Латвийская Республика, которая выделялась из состава бывшей Российской империи, не могла быть «наследницей» ее имущества.

⁵⁵ Strauss V. Pirms 100 gadiem Rīga pārstāja būt par rūpniecības centru // *Latvijas Avīze*. 06.08.2015.

⁵⁶ Если в период существования Латвийской Социалистической Советской Республики вопрос о реэвакуации заводского оборудования еще как-то рассматривался (этим занимался в том числе Комиссариат по латышским делам Наркомнаца) и до лета 1919 г. в соответствии с декретом СНК от 4 января 1919 г. «Об учете и реэвакуации учреждений, предприятий и имуществ, эвакуированных из Латвии» шли учет и регистрация эвакуированных из Латвии государственных и общественных учреждений, фабрик и т.п., то после падения советского режима П. Стучки реэвакуация была приостановлена, часть предприятий вернули с дороги. См. подробнее: [Миллер, Стубмина, 1963: 34–35].

⁵⁷ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 2-е от 17 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 9–12.

Эта тенденция вполне осознавалась латвийской стороной и не могла не влиять на ход переговоров. Как писала газета «*Latvijas Sargs*» («Защитник Латвии»), «русская делегация упорствует над каждой машиной и станком, возвращения которых мы требуем»⁵⁸. В дальнейшем переговоры о реализации права Латвии получить обратно вывезенные ценности велись годами, но значительная часть предъявленных требований осталась неудовлетворенной⁵⁹.

С вопросом о реэвакуации ценностей была связана и проблема реэвакуации беженцев с двух сторон и оптации⁶⁰. После подписания договора 11 августа 1920 г. и установления дипломатических отношений между странами при посольстве Латвии в Москве был создан отдел, занимавшийся вопросами реэвакуации соотечественников на родину; кроме того, латвийские представители (агенты), в сфере деятельности которых находились сбор информации о латышах в РСФСР, прием документов на получение гражданства и организацию их возвращения в Латвию, работали в разных городах и населенных пунктах России и других советских республик, иногда в координации с представителями (консульскими агентами) других балтийских государств⁶¹.

Проблема реэвакуации беженцев и оптации решалась долго и трудно. Процессуальная сторона вопроса нередко нарушалась обеими сторонами, желавшие выехать на родину по тем или иным причинам удерживались, и в Советской России, и в Латвийской Республике предпринимались шаги, направленные на фильтрацию тех, кто стремился выехать или въехать, на удержание

⁵⁸ Miera delegāciju pārbaūkšana // *Latvijas Sargs*. 15.07.1920. 1. lpp.

⁵⁹ Это, например, споры об имуществе нескольких заводов на Украине, которые были оборудованы за счет технических средств, вывезенных из Риги, вопрос о материально-технической базе Иваново-Вознесенского политехнического института, которая также состояла в большой степени из рижского имущества — оборудования, эвакуированного в годы Первой мировой войны из Рижского политехникума. См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 8. Д. 31. Л. 131; Оп. 3. П. 2. Д. 16. Л. 69–69об.; Оп. 3. П. 2. Д. 16. Л. 66, 66об., 67.

⁶⁰ Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев 12 июня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 569–572; Соглашение о взаимном возвращении на родину военнопленных, находящихся в Латвии и России. 16 ноября 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 194. Л. 20–22.

⁶¹ Например, известно о совместной работе по вопросам соотечественников на Дальнем Востоке представителей (агентов) Латвии и Литвы. См.: [Пригравичюте, 2017: 101–105].

заложников, расправу с коммунистами и проч. [подробнее см.: Михайлова, 2021].

Практика проведения оптации показывает: несмотря на заключение мирного договора, во взаимоотношениях России и Латвии оставалась напряженность, в том числе из-за опасений российской стороны активизации «белого элемента» на территории балтийских республик. По этой причине в процессе реализации соглашений о реэвакуации и оптации Москва применяла не только этнический, но и классовый подход, что выражалось в мерах по «противодействию контрреволюции». В докладах о ходе мирных переговоров особое внимание уделялось «белогвардейскому» элементу в Латвии, подчеркивалось, что «бывшие офицеры высших чинов Колчаковской, Деникинской и Юденичской армии» чувствуют себя в Латвии свободно и открыто «ругают советскую власть»⁶². В одном из донесений Г.В. Чичерину полпред Я.С. Ганецкий 14 октября 1920 г. представил результаты беседы с министром иностранных дел Латвии З.-А. Мейеровиццем и говорил о необходимости «расправиться с нежелательным элементом» на пограничных территориях и о «производимой в Латвии вербовке в армию Врангеля»⁶³. Представление о Латвии как о «белой» территории определяло отношение большевиков к возвращавшимся в Советскую Россию.

Латыши в свою очередь также опасались «нежелательных элементов», которых не следовало пускать в страну. В отличие от Советской России, акцент делался именно на этническом аспекте: следили за тем, чтобы в Латвию возвращались прежде всего латыши. Нередко из списков оптантов, желавших вернуться, вычеркивались немцы, поляки и евреи⁶⁴. Несмотря на то что основная масса возвращавшихся выехала на родину до 1923 г., процесс не был завершен окончательно. Как подчеркивают исследователи, «лимитрофность» стран Балтии, близость к Советской России обусловили до определенного момента

⁶² Доклад члена советской делегации по переговорам с Латвией политинспектора (политуправления РВС) Шеффера в ОО ВЧК о поездке в Ригу и отношении к российской мирной делегации в Риге, 24 июля 1920 г. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 607. Л. 1–10б.

⁶³ Я.С. Ганецкий Г.В. Чичерину. 14 октября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 3. Д. 18. Л. 3–7. Признание З.-А. Мейеровиццем факта вербовки латышей в Белую армию зафиксировано и в докладе Я.С. Ганецкого Г.В. Чичерину от 4 ноября 1920 г. См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 6. Л. 24–25.

⁶⁴ Телеграмма представителя Коллегии Пленбежа Зебергса (Зееберга) в МИД Латвии о высылке из Москвы беженцев (латышей и евреев). 12 января 1920 г. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 630. Л. 1–2об.

«перманентность» миграционных процессов, в ходе которых важную роль играла пропаганда, «борьба за умы» [Трушкова, 2016: 57].

* * *

Мирный договор между РСФСР и Латвией — неотъемлемая часть системы мирных соглашений, которые были заключены с пограничными государствами, выделявшимися из состава Российской империи⁶⁵. Договоры со странами Балтии предопределили расстановку сил в Восточно-Балтийском регионе на весь межвоенный период, заложили основы советской внешней политики в отношении балтийских республик, служили наглядным подтверждением реализации «права народов на самоопределение вплоть до отделения». Эти договоры стали способом преодоления полной дипломатической изоляции Советской России (Эстония второй после Афганистана признала РСФСР, за ней последовали Латвия и Литва) [см.: Симонян, 2020: 189]. Всё это позволило СССР в 1920-е годы нормализовать международные отношения и войти в мировое сообщество.

Поиск компромиссов и решение сложных вопросов, таких как установление границы и обмен заложниками, реэвакуация беженцев и определение процедуры оптации гражданства, обусловили повестку российско-латвийской мирной конференции. Территориальные уступки Латвии в виде двух волостей Дриссенского уезда Витебской губернии и трех волостей Островского уезда Псковской губернии, выработка договора о реэвакуации беженцев, соглашения об обмене военнопленными — всё это демонстрировало до определенной степени понимание Москвой трудностей, перед которыми оказывались молодые государства, отстаивавшие свою независимость, и соответственно готовность советского руководства заключить мир. Следует также отметить, что в момент заключения договоров со странами Балтии руководство РСФСР охотно шло на разумные «территориальные жертвы», ведь идея мировой революции оставляла надежду на возвращение этих земель, тогда как вопрос об имуществе различных учреждений, в том числе заводском и фабричном оборудовании, вывезенном в Россию в годы войны, далеко не всегда решался в пользу

⁶⁵ 2 февраля 1920 г. был заключен Тартуский мирный договор между РСФСР и Эстонией, 12 июля 1920 г. Советская Россия подписала договор с Литвой, 11 августа — с Латвией, 14 октября — с Финляндией, и наконец война с Польшей завершилась подписанием Рижского мирного договора 18 марта 1921 г.

претендовавшей на него стороны: формировавшиеся предприятия и развивавшиеся отрасли науки молодого Советского государства опирались на материально-техническую базу в том числе бывших частей Российской империи, и возможная потеря части имущества могла привести к прекращению деятельности фабрик, заводов, учреждений.

Одновременно договор 1920 г. имел определяющее значение для Латвийской Республики⁶⁶. Мир с РСФСР стал отправной точкой для признания Латвии международным сообществом в качестве субъекта международного права⁶⁷ и дал возможность построить национальное государство, поэтому договор от 11 августа 1920 г. включен в так называемую доктрину непрерывности Латвийского государства. Текст договора использован в декларации от 4 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской Республики»⁶⁸. Историки и политологи подчеркивают, с одной стороны, его значимость для установления независимости Латвии, а с другой — тот факт, что это был один из международных договоров, которые были нарушены летом 1940 г. — в момент потери балтийскими государствами их независимости.

Договор между Советской Россией и Латвийской Республикой имел, таким образом, большое значение для международного признания Латвии и укрепления позиций РСФСР/СССР. Дальнейшее изучение обстоятельств его заключения и реализации позволит не только точнее оценить значение этого события и вписать его в контекст процесса образования государств-лимитрофов, но и проследить механизмы выработки общих решений, направленных на ликвидацию последствий войны в регионе, а также формирования нового вектора внешней политики СССР.

⁶⁶ Период от заключения перемирия 30 января 1920 г. до мирного договора 11 августа считается в латвийской историографии концом войны за независимость. См.: [История Латвии..., 2005: 127–130; Šiliņš, 2013: 102–103].

⁶⁷ Независимость Эстонии и Латвии западными государствами-победительницами де-юре была признана позже — лишь в 1921 г., Литвы — в 1922 г.

⁶⁸ Выступление президента Эгилса Левитса в Рижском замке на мероприятии по поводу столетия подписания мирного договора между Латвией и Россией // President of the Republic of Latvia. Официальный сайт Президента Латвии. 11.08.2020. Доступ: https://www.president.lv/ru/novosti/vystuplenie-prezidenta-egilsa-levitsa-v-rizhskom-zamke-na-meropriyatii-po-povodu-stoletiya-podpisaniya-mirnogo-dogovora-mezhdu-latviy-i-rossiy?utm_source=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 16.11.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.Ю. «Ради нашего же блага их придется отклонить»: Латвия и советские мирные предложения осенью 1919 г. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 220–229. DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_220.
2. Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–31.
3. Белковец Л.П., Шумская К.В. Мирный договор между Россией и Латвией 1920 г. в контексте российско-германского противостояния // Политика и общество. 2012. № 11 (95). С. 134–143.
4. Белковец Л.П., Шумская К.В. Российско-латвийские отношения первого периода независимости Латвии в контексте восточной политики Германии // Социодинамика. 2013. № 4. С. 136–184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489.
5. Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны: реэвакуация из Советской России (по материалам Центральные губерний Европейской России) // Europa Orientalis. 2017. № 8. С. 47–64. DOI: 10.12775/EO.2017.004.
6. Буювич Т.В. Латышская диаспора Витебщины: к вопросу о численности «латышей-переселенцев» в 1860-е — 1926 гг. // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX — начало XXI века / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: Весь мир, 2021. С. 130–156.
7. Воротников В.В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.
8. Граф М. Эстония и Россия, 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007.
9. Григаравичюте С. Консульская служба Литвы в Дальневосточной республике в 1920–1922 годах // Россия и Балтия. Вып. 8. Новый мир на развалинах империи / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: Весь мир, 2017. С. 94–107.
10. Гросул В.А. Образование СССР (1917–1924). М.: ИТРК, 2007.
11. Зазерская Т.Г. Ненавшаяся война и международное признание Латвии (декабрь 1920 — январь 1921 г.) (по французским и бельгийским архивным документам) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). С. 92–109.
12. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940 г.). М.: РОССПЭН, 2012.
13. История дипломатии / Под. ред. А.А. Громыко, И. И. Земскова, В.А. Зорина и др. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1965.
14. История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда и др. Рига: Jumava, 2005.

15. Канале В., Степерманис М. История Латвийской ССР. Рига: Звайгзне, 1974.

16. Капениекс К. Действия Латвийской армии в Дрисском уезде. 1920 г. // Россия и Балтия. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: Весь мир, 2011. С. 97–116.

17. Кен О.Н., Рупасов А.И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства / Под ред. Д.Е. Фурмана, Э.Г. Задорожнюк. М.: Реферendum, 2002. С. 225–257.

18. Колоткин М.Н. Латгальские переселенцы в Сибири. Новосибирск: НИИГАиК, 1994.

19. Колоткин М.Н. Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 — середина 1930-х гг.). Новосибирск: СГГА, 2010.

20. Крутиков А.А. Большевики и Тартуский мирный договор 1920 г. // Перспективы [Электронный журнал]. 2020. № 1 (21). С. 97–112. DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-97-112.

21. Лауринавичюс Ч. К продолжению темы о Литовском государстве в контексте англо-российской оси. Сюжеты из 1919–1920 гг. // История. 2019. Т. 10. № 7 (81). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840006364-9-1/> (дата обращения: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840006364-9.

22. Лауринавичюс Ч. На перекрестке политических систем. О ситуации литовской национальной государственности в контексте оси Москва–Лондон // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв. / Отв. ред. М.Ц. Арзаканян. М.: Геоинформ, 2017. С. 68–80.

23. Лоткин И.В. Оптационная кампания и эвакуация граждан прибалтийских государств на историческую родину в начале 1920-х годов // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. № 6. С. 28–32.

24. Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в геополитических расчетах великих держав в 1920–1940-х гг. // Прибалтийские исследования в России / Сост. М.А. Вилков, В.В. Симиндей. М.: Издательский центр Фонда «Историческая память», 2015. С. 170–188.

25. Миллер В., Стубмина Э. Комиссариат по латышским национальным делам — проводник ленинской национальной политики // Ученые записки Латвийского государственного университета. 1963. Т. 50. Вып. 1. С. 21–44.

26. Михайлова Ю.Л. Советско-латвийский договор 11 августа 1920 г.: законодательное регулирование и практика обмена беженцами и оптации // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 168–192. DOI: 10.51255/2311-603X_2021_4_168.

27. Михайлова Ю.Л., Назарова Е.Л. Советско-латвийский мирный договор 11 августа 1920 г.: ход переговоров, общественное мнение, механизмы реализации. Публикация документов Архива внешней политики Россий-

ской Федерации // История. 2021. Т. 12. № 7 (105). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840016579-5-1/> (дата обращения: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840016579-5.

28. Назарова Е.Л. Из истории псковско-латгальского порубежья (округ Абрене в исторической ретроспективе) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания) / Отв. ред. В.В. Седов. Т. 1. М.: МГУП, 2003. С. 189–197.

29. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016.

30. Почс К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига: Зинатне, 1985.

31. Симонян Р.Х. Латвия. История Первой республики. М.: Аспект Пресс, 2020.

32. Трушкова И.Ю. Политика оптации в отношениях России и балтийских государств в 1920-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 10. С. 51–57.

33. Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Вып. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 60–87.

34. Шубин А.В. Между Россией и Польшей: буферная модель военного коммунизма в 1919 году // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (24). С. 156–176. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-3-156-176.

35. Щербакова Е.В. Законодательная регламентация оптации гражданства (1920–1922 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 201–206.

36. Andersons E. Kā Narva, Pečori un Abrene tika iekļauta Krievijas Sociālistiskajā Federatīvajā Republikā // Latvijas Vēsture. 1991. No. 1. P. 50–59.

37. Andersons E. Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika. I. Rīga; Stockholm: Daugava, 1982.

38. Andersons E. Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika. II. Rīga; Stockholm: Daugava, 1984.

39. Bērziņš P. Latvijas brīvības cīņas 1918–1920. Rīga: A. Gulbis, 1928.

40. Brüggeman K. 'Foreign rule' during the Estonian War of Independence 1918–1920: The Bolshevik experiment of the 'Estonian Worker's Commune' // Journal of Baltic Studies. 2006. Vol. 37. No. 2. P. 210–226.

41. Brüggeman K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des 'Einen und Unteilbaren Rußland'. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

42. Butkus Z. Aivars Stranga. Latvijas — Padomju Krievijas Miera Līgums 1920. Gadā 11. Augustā. Latvijas — Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. gadā. Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. Gadā [The Peace Treaty of 11 Au-

gust 1920 between Latvia and Soviet Russia. Latvian-Russian relations between 1919 and 1925]. Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2000 // Lithuanian Historical Studies. 2001. No. 6. P. 148–156.

43. Ciganovs J. Latvijas armija Atbrīvošanas cīņu pirmajos mēnešos // Latvijas vēstures institūta žurnāls. 2009. No. 1. P. 89–103.

44. Debo R.K. Survival and consolidation. The foreign policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal: McGill, Queen's University Press, 1992.

45. Eesti Vabadussõja ajalugu. I ja II osa / Koostanud ja toimetanud Lauri Vahtre. Tallinn: Varrak, 2020.

46. Grīviņš V. Latvijas — Krievijas miera līgums (11.08.1920) // Historia.Lv. 30.07.2014. Available at: <https://www.historia.lv/biblioteka/skirklis/latvijas-krievijas-miera-ligums-11081920> (accessed: 16.11.2022).

47. Henning D. Die Legende vom dritten Weg: die sozialistische Sowjetrepublik Lettlands (1918–1920) // Journal of Baltic Studies. 1994. Vol. 25. No. 4. P. 331–348.

48. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi 1918–1928. Rīga: Izglītības Ministrija, 1928.

49. Maide J. Ülevaade Eesti Vabadussõjast 1918–1920. Tallinn: Kaitseliit, 1933.

50. Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010.

51. Rauch G. v. The Baltic states: The years of independence: Estonia, Latvia, Lithuania, 1917–1940. Berkeley: University of California Press, 1974.

52. Rubina E. Arhīvu reevakuācija no Padomju Krievijas, 1917.–1933. gads // Latvijas Arhīvi. 2014. No. 1. P. 7–28.

53. Šilde Ā. Latvijas un Padomju Krievijas mierlīguma nemainīgā nozīme // Trimdinieka raksti 1944–1990. Rīga: Avots, 1992. 94.–102. lpp.

54. Šiliņš J. Padomju varas organizēšana Latvijā 1918. gada novembrī–decembrī // Latvijas Arhīvi. 2013. No. 1–2. P. 102–114.

55. Stranga A. Latvijas un Padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā. Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2020.

56. Strazdiņa V. Ķekavas novads, Pirmais Pasaules karš un Brīvības cīņas. Rīga: Jumava, 2015.

57. Vigrabs J. Valsts tapšana un starptautisko attiecību izveidošana // Latvija 20 gados / R. Bērziņš-Valdēss, S. Vidbergs. Rīga: Pagalms, 1938. P. 17–51.

REFERENCES

1. Alekseev D.Yu. 2021. 'Radi nashogo zhe blaga ikh pridetsya otklonit': Latviya i sovetskie mirnye predlozheniya osen'yu 1919 g. ['For the sake of our own good, they will have to be rejected': Latvia and the Soviet peace proposals in the autumn of 1919]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 220–229. DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_220. (In Russ.)

2. Bartelet T., Shalda V. 2000. Latyshskie bezhentsy v Rossii v gody Grazhdan-skoi voiny [Latvian refugees in Russia during the Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.)

3. Belkovets L.P., Shumskaya K.V. 2012. Mirnyi dogovor mezhdru Rossiei i Latviei 1920 g. v kontekste rossiisko-germanskogo protivostoyaniya [Peace treaty between Russia and Latvia in 1920 in the context of the Russian-German confrontation]. *Politika i obshchestvo*, no. 11 (95), pp. 134–143. (In Russ.)

4. Belkovets L.P., Shumskaya K.V. 2013. Rossiisko-latviiskie otnosheniya pervogo perioda nezavisimosti Latvii v kontekste vostochnoi politiki Germanii [Russian-Latvian relations in the first period of Latvia's independence in the context of Germany's Eastern policy]. *Sotsiodinamika*, no. 4, pp. 136–184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489. (In Russ.)

5. Belova I.B. 2017. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny: reevakuatsiya iz Sovetskoi Rossii (po materialam Tsentral'nykh gubernii Evropeiskoi Rossii) [First World War refugees: Re-evacuation from Soviet Russia (on materials of the Central provinces of European Russia)]. *Europa Orientalis*, no. 8, pp. 47–64. DOI: 10.12775/EO.2017.004. (In Russ.)

6. Buevich T.V. 2021. Latyshskaya diaspora Vitebskhchiny: k voprosu o chislen-nosti 'latyshei-pereselentsev' v 1860-e — 1926 gg. [The Latvian diaspora in the Vitebsk province: The question of 'the Latvian migrants' number in the 1860s through 1926]. In: Chubar'yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiya. Vyp. 10. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoi rodiny. XIX — nachalo XXI veka* [Russia and Baltia. Issue 10: Baltic nations' diasporas East of ethnic homeland. 19th — early 21st century]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 130–156. (In Russ.)

7. Vorotnikov V.V. 2014. *Kontseptsii i priority vneshnei politiki Latvii, Litvy i Ehstonii v 2004–2012 gg.* [Concepts and priorities of the foreign policy of Latvia, Lithuania and Estonia in 2004–2012]. PhD Thesis. Moscow.

8. Graf M. 2007. *Estoniya i Rossiya, 1917–1991: Anatomsiya rasstavaniya* [Estonia and Russia, 1917–1991: Anatomy of the break-up]. Tallinn, Argo. (In Russ.)

9. Grigaravichyute S. 2017. Konsul'skaya sluzhba Litvy v Dal'nevostochnoi respublike v 1920–1922 godakh [Representation of Lithuania in the Far Eastern Republic, 1920–1922]. In: Chubar'yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiya. Vyp. 8. Novyi mir na razvalinakh imperii* [Russia and the Baltics. Issue 8. New world on the ruins of an empire]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 94–107. (In Russ.)

10. Grosul V.Ya. 2007. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [The formation of USSR (1917–1924)]. Moscow, ITRK Publ. (In Russ.)

11. Zazerskaia T.G. 2019. Nenachavshayasya voina i mezhdunarodnoe pri-znanie Latvii (dekabr' 1920 — yanvar' 1921 g.) (po frantsuzskim i bel'giiskim arkhivnym dokumentam) [The war that never happened and the interna-tional recognition of Latvia (December 1920 — January 2021)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3 (23), pp. 92–109. (In Russ.)

12. Ilmjärv M. 2004. *Silent submission: Formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania: Period from mid-1920s to annexation in 1940*. Stockholm, Stockholm University Dept. of History [Russ. ed.: Il'myary M. 2012. Bezmolvnyaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdru dvumya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940 g.). Moscow, POSSPEN Publ.]

13. Gromyko A.A., Zemskaia I.I., Zorina V.A. et al. (eds.). 1965. *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

14. Bleiere D., Butulis I., Zunda A. et al. 2005. *Istoriya Latvii. XX vek* [History of Latvia. 20th century]. Riga, Jumava. (In Russ.)

15. Kanale V., Stepermanis M. 1974. *Istoriya Latviiskoi SSR* [History of Latvian SSR]. Riga, Zvaigzne Publ. (In Russ.)

16. Kapienieks K. 2011. Deistviya Latviiskoi armii v Drisskom uезде. 1920 g. [The actions of the Latvian army in the Drissa district. 1920]. In: Chubar'yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiia i Baltiia. Vyp. 6. Dialog istorikov raznykh stran i pokolenii* [Russia and the Baltics. Issue 6: Dialogue of historians from different countries and generations]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 97–116. (In Russ.)

17. Ken O.N., Rupasov A.I. 2002. Moskva i strany Baltii: opyt vzaimootnoshenii, 1917–1939 gg. [Moscow and the Baltic states: Relationship experience, 1917–1939]. In: Furman D.E., Zadorozhnyuk E.H. (eds.). *Strany Baltii i Rossiia: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic states and Russia: Societies and states]. Moscow, Referendum Publ., pp. 225–257. (In Russ.)

18. Kolotkin M.N. 1994. *Latgal'skie pereselentsy v Sibiri* [Latgalian settlers in Siberia]. Novosibirsk: NIIGAIP Publ. (In Russ.)

19. Kolotkin M.N. 2010. *Sotsial'no-politicheskaya istoriia baltiiskikh poselentsev Sibiri (1917 — seredina 1930-kh gg.)* [Social and political history of the Baltic settlers in Siberia (1917 — mid-1930s)]. Novosibirsk, SGGA Publ. (In Russ.)

20. Krutikov A.A. 2020. Bol'sheviki i Tartuskii mirnyi dogovor 1920 g. [The Bolsheviks and the Tartu Peace Treaty of 1920]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, no. 1 (21), pp. 97–112. DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-97-112. (In Russ.)

21. Laurinavichus C. 2019. K prodolzheniyu temy o Litovskom gosudarstve v kontekste anglo-rossiiskoi osi. Syuzhety iz 1919–1920 gg. [To continue the topic of the Lithuanian state in the context of the Anglo-Russian axis. Plots of 1919–1920]. *Istoriia*, vol. 10, no. 7 (81). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006364-9-1/> (accessed: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840006364-9. (In Russ.)

22. Laurinavichus C. 2017. Na perekrestke politicheskikh sistem. O situatsii litovskoi natsional'noi gosudarstvennosti v kontekste osi Moskva–London [At the crossroads of political systems. On the situation of Lithuanian national statehood in the context of the Moscow–London axis]. In: Arzakanyan M.Ts. (ed.). *Rossiia i Evropa: istoricheskii opyt vzaimodeistviya i vzaimoponimaniya XVIII–XX vv.*

[Russia and Europe: Historical experience of interaction and mutual understanding in the 18th–20th centuries]. Moscow, Geoinform Publ., pp. 68–80. (In Russ.)

23. Lotkin I.V. 2005. Optatsionnaya kompaniya i evakuatsiya grazhdan pribaltiiskikh gosudarstv na istoricheskuyu rodinu v nachale 1920-kh godov [Optation campaign and evacuation of citizens of the Baltic States to their historical homeland in the early 1920s]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6, pp. 28–32. (In Russ.)

24. Mel'tyukhov M.I. 2015. Pribaltiiskii platsdarm v geopoliticheskikh raschetakh velikikh derzhav v 1920-kh — 1940-kh gg. [The Baltic foothold in the geopolitical estimations of the great powers in the 1920s — 1940s]. In: Vilkov M.A., Simindei V.V. (eds.). *Pribaltiiskie issledovaniya v Rossii* [Baltic studies in Russia]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Fonda Istoricheskaya pamyat' Publ., pp. 170–188. (In Russ.)

25. Miller V., Stubmina Eh. 1963. Komissariat po latyshskim natsional'nym delam — provodnik leninskoi natsional'noi politiki [The Commissariat for Latvian National Affairs as the proponent of the Leninist national policy]. *Uchenye zapiski Latviiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 50, iss. 1, pp. 21–44. (In Russ.)

26. Mikhailova Yu.L. 2021. Sovetsko-latviiskii dogovor 11 avgusta 1920 g.: zakonodatel'noe regulirovanie i praktika obmena bezhentsami i optatsii [Soviet-Latvian treaty of August 11, 1920: Legislative regulation and practice of refugee exchange and option]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4, pp. 168–192. DOI: 10.51255/2311-603X_2021_4_168. (In Russ.)

27. Mikhailova Yu.L., Nazarova E.L. 2021. Sovetsko-latviiskii mirnyi dogovor 11 avgusta 1920 g.: khod peregovorov, obshchestvennoe mnenie, mekhanizmy realizatsii. Publikatsiya dokumentov Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [The Soviet-Latvian peace treaty on August 11, 1920: Negotiations, public opinion, implementation mechanisms. Publication of documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation]. *Istoriya*, vol. 12, no. 7 (105). Available at: <https://history.jes.su/s207987840016579-5-1/> (accessed: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840016579-5. (In Russ.)

28. Nazarova E.L. 2003. Iz istorii pskovsko-latgal'skogo porubezh'ya (okrug Abrene v istoricheskoi retrospektive) [On the history of the Pskov-Latgale borderlands (Abrene district in historical retrospective)]. In: Sedov V.V. (ed.). *Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii (k 1100-letiyu letopishnogo upominaniya)* [Pskov in Russian and European history (to the 1100th anniversary of the annalistic mention)], vol. 1. Moscow, MGUP Publ., pp. 189–197. (In Russ.)

29. Pavlova M.S. 2016. *Litva v politike Varshavy i Moskvyy v 1918–1926 godakh* [Lithuania in the politics of Warsaw and Moscow in 1918–1926]. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)

30. Pochs K.Ya. 1985. 'Sanitarnyi kordon': Pribaltiiskii region i Pol'sha v antisovetskikh planakh angliiskogo i frantsuzskogo imperializma (1921–1929 gg.)

[‘Sanitary cordon’: The Baltic region and Poland in the anti-Soviet plans of the British and French imperialism (1921–1929)]. Riga, Zinatne Publ. (In Russ.)

31. Simonyan R.Kh. 2020. *Latviya. Istorija Pervoi Respubliki* [Latvia. History of the First Republic]. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)

32. Trushkova I.Yu. 2016. Politika optatsii v otnosheniyakh Rossii i baltiiskikh gosudarstv v 1920-e gg. [Policy of optation in the relations between Russia and Baltic countries in the 1920s]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 51–57. (In Russ.)

33. Shalda V. 2002. Latyshskie bezhentsy v Rossii i revolyutsiya. 1915–1921 gg. [Latvian refugees in Russia and the revolution. 1915–1921]. In: Chubar’yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiya. Vyp. 2. Ehpokha peremen (1914–1924)* [Russia and the Baltics. Issue 2: The era of changes (1914–1924)]. Moscow, IVI RAN Publ., pp. 60–87. (In Russ.)

34. Shubin A.V. 2020. Mezhdru Rossiei i Pol’shei: bufernaya model’ voennogo kommunizma v 1919 godu [Between Russia and Poland: The buffer model of war communism in 1919]. *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 3 (24), pp. 156–176. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-3-156-176. (In Russ.)

35. Shcherbakova E.V. 2012. Zakonodatel’naya reglamentatsiya optatsii grazhdanstva (1920–1922 gg.) [The legislative regulation of citizenship optation (1920–1922)]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 201–206. (In Russ.)

36. Andersons E. 1991. Kā Narva, Pečori un Abrene tika iekļauta Krievijas Sociālistiskajā Federatīvajā Republikā. *Latvijas Vēsture*, no. 1, pp. 50–59.

37. Andersons E. 1982. *Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika*. I. Riga, Stockholm, Daugava.

38. Andersons E. 1984. *Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika*. II. Riga, Stockholm, Daugava.

39. Bērziņš P. 1928. *Latvijas brīvības cīņas 1918–1920*. Rīga, A. Gulbis.

40. Brüggeman K. 2006. ‘Foreign rule’ during the Estonian War of Independence 1918–1920: The Bolshevik experiment of the ‘Estonian Worker’s Commune’. *Journal of Baltic Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 210–226.

41. Brüggeman K. 2002. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des ‘Einen und Unteilbaren Rußland’. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920*. Wiesbaden, Harrassowitz.

42. Butkus Z. 2001. Aivars Stranga. Latvijas — Padomju Krievijas Miera Līgums 1920. Gadā 11. Augustā. Latvijas — Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. gadā. Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. Gadā. Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2000. *Lithuanian Historical Studies*, no. 6, pp. 148–156.

43. Ciganovs J. 2009. Latvijas armija Atbrīvošanas cīņu pirmajos mēnešos. *Latvijas vēstures institūta žurnāls*, no. 1, pp. 89–103.

44. Debo R.K. 1992. *Survival and consolidation. The foreign policy of Soviet Russia, 1918–1921*. Montreal, McGill, Queen’s University Press.

45. Vahtre L. (ed.). 2020. *Eesti Vabadussõja ajalugu. I ja II osa*. Tallinn, Varrak.

46. Grīviņš V. *Latvijas — Krievijas miera līgums (11.08.1920)*. Historia.Lv. 30.07.2014. Available at: <https://www.historia.lv/biblioteka/skirkklis/latvijas-krievijas-miera-ligums-11081920> (accessed: 16.11.2022).

47. Henning D. 1994. Die Legende vom dritten Weg: die sozialistische Sowjetrepublik Lettlands (1918–1920). *Journal of Baltic Studies*, vol. 25, no. 4, pp. 331–348.

48. *Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi 1918–1928*. 1928. Rīga, Izglītības Ministrija.

49. Maide J. 1933. *Ülevaade Eesti Vabadussõjast 1918–1920*. Tallinn, Kaitseliit.

50. Puga A. 2010. *Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas*. Rīga, Zvaigzne ABC.

51. Rauch G. v. 1974. *The Baltic states: The years of independence: Estonia, Latvia, Lithuania, 1917–1940*. Berkeley, University of California Press.

52. Rubina E. 2014. Arhīvu reevakuācija no Padomju Krievijas, 1917.–1933. gads. *Latvijas Arhīvi*, no. 1, pp. 7–28.

53. Šilde Ā. 1992. Latvijas un Padomju Krievijas mierlīguma nemainīgā nozīme. In: *Trimdinieka raksti 1944–1990*. Rīga, Avots. lpp. 94–102.

54. Šiliņš J. 2013. Padomju varas organizēšana Latvijā 1918. gada novembrī–decembrī. *Latvijas Arhīvi*, no. 1–2, pp. 102–114.

55. Stranga A. 2020. *Latvijas un Padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā*. Rīga, Fonds Latvijas Vesture.

56. Strazdiņa V. 2015. *Ķekavas novads, Pirmais Pasaules karš un Brīvības cīņas*. Rīga, Jumava.

57. Vigrabs J. 1938. Valsts tapšana un starptautisko attiecību izveidošana. In: Bērziņš-Valdēss R., Vidbergs S. (eds.). *Latvija 20 gados*. Rīga, Pagalms, pp. 17–51.